

12+

Александр Ковригин

**Ветвь
большого
дерева.
Ковригины**

Александр Ковригин

**Ветвь большого
дерева. Ковригины**

«Издательские решения»

Ковригин А.

Ветвь большого дерева. Ковригины / А. Ковригин —
«Издательские решения»,

В данной работе представлены промежуточные итоги историко-генеалогического исследования рода служилых людей Ковригиных из Добренского уезда, чьи потомки во второй половине XVIII в. стали однодворцами. Источниковая база работы основана на использовании комплекса архивных источников из фондов государственных и региональных архивов Российской Федерации.

Содержание

Введение	6
I НА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ветвь большого дерева. Ковригины

Александр Ковригин

© Александр Ковригин, 2026

ISBN 978-5-0070-2838-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Перед вами «отчет» по итогам генеалогического исследования, проведенного на базе архивных источников из фондов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива и региональных архивов города Тамбова, Оренбурга, Самары, Воронежа и Казани.

Данная работа не претендует на статус завершенной книги или всестороннего историко-генеалогического исследования. Скорее, она представляет собой предварительный черновик исследователя, набросок, требующий дальнейшей критической доработки и исправления своих методологических, композиционных и стилистических недочетов.

В данной работе использованы следующие документы: писцовые и межевые книги, переписные и разборные книги, ландратские переписи и ревизские сказки, метрические книги церквей и духовные росписи. Приводятся выдержки из работ российских историков, воспоминания очевидцев событий.

В тексте все даты приведены по стилю, указанному в источнике. Даты событий, произошедших до 1918 года, указаны по старому стилю. Стоит помнить, что старый стиль и новый стиль обозначают системы датирования до и после перехода с юлианского календаря на григорианский, произошедшего 24 января 1918 года после принятия Советом народных комиссаров декрета «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». Разница между календарями составляет: для периода с 5 октября 1582 года по 29 февраля 1700 года — 10 дней, для периода с 1 марта 1700 года по 29 февраля 1800 года — 11 дней, для периода с 1 марта 1800 года по 29 февраля 1900 года — 12 дней, а с 1 марта 1900 года — 13 дней.

Читатель, погружаясь в содержание исследования, встретит упоминания конкретных дат, которые исчисляются не от Рождества Христова, как в настоящее время, а от Сотворения мира. С середины XIV века до конца XVII века на Руси, как и в Византии, начало нового года приходилось не на январь, а на сентябрь и летоисчисление велось от предполагаемой даты сотворения мира. На соборе Московском в 1348 году, при великом князе Симеоне Иоанновиче Гордом и митрополите Феогносте, постановлено было церковный и гражданский год считать не с 1 марта, а с 1 сентября. Что, однако, не вполне соответствовало устоявшимся земледельческим циклам. Значительная часть населения продолжала отмечать начало года в марте, связывая это с началом полевых работ. Противоречие сохранялось, пока в 1492 году (7000) великий князь московский Иван III своим указом не утвердил решение Московского собора о переносе даты новолетия в соответствии с византийскими традициями. 1 сентября 1495 года на Соборной площади Московского Кремля прошла торжественная церемония «О начатии нового лета» и церковная служба «На летопроездение» с участием царя, патриарха, представителей духовенства, знати, служилых людей. 20 декабря 1699 года царь Петр I издал указ №1736 «О праздновании Нового года». Согласно этому указу, в России начало года было перенесено на 1 января, а летоисчисление стало вестись от Рождества Христова. Таким образом, 1 января 7208 года от Сотворения мира стало 1 января 1700 года от Рождества Христова. Для перевода дат из Византийской эры в Нашу эру необходимо с января по август из текущего года вычитать 5508 лет, а с сентября по декабрь — 5509 лет. Если месяц события не указан, из даты вычитают оба числа (5508 и 5509) и датируют событие по нашей эре в пределах двух ближайших лет. В первоисточниках все годы и возраст указывались буквенной цифирью, как то: «РНА», «РНВ», «ІЕ» и т. п. В обозначениях дат XVII века также часто отсутствовали цифры тысячелетий, оставались указания лишь на сотни лет. Например, могло быть написано «лета 208». В этом случае нужно было дополнить пропущенную цифру — 7 тысяч — и прочесть дату как 7208.

Следует также акцентировать внимание на аспекте прочтения отчеств, дабы избежать их смешения с фамилиями. В древности отчества образовывались как от имен, так и от прозваний и отчество могло иметь две формы: Трофим Фефилов сын и Трофим Фефилович. Первая форма отчества (получившая название полуотчества) надолго стала основной, официально употребляемой для лиц всех сословий. При обращении к недворянам слово «сын» в обиходе обычно опускалось. Вторая форма отчества (со старославянским окончанием -вич) со времени ее возникновения на исходе XVI века употреблялась как элемент особо почетной формы обращения (имя и отчество). Право пользоваться ею рассматривалось как милость, и «сам государь указывал, кого следует писать с -вичем». В царствование Екатерины I был составлен список немногих лиц, которых в правительственных документах полагалось именовать отчеством с -вичем. После введения Табели о рангах употребление отчества стало согласовываться и с классом чина. При напечатании «чиновной росписи» той же Екатериной было поведено особ первых пяти классов писать с -вичем, чинов VI — VIII классов — полуотчествами, а всех остальных — только по имени, без отчества. После 1917 года привычный социальный уклад в стране изменился, и отчества сделались обязательным компонентом именованья всех граждан. Тогда же была установлена и единая форма отчеств с окончаниями —вич.

В тексте встречаются следующие меры площади и расстояний:

«Четь» или «четверть» — мера площади пахотных земель в старинной русской системе мер, равнялась 0,55 гектарам;

«Сажень» — старорусская единица измерения расстояния. В XVII веке казенная сажень равнялась 2,16 метрам;

«Верста» — старинная русская путевая мера длины, в метрической системе соответствует 1 километру 67 метрам;

«Десятина» — мера площади земельных угодий, одна десятина равнялась 1,09 гектарам.

І НА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЕ

Посвящается моему сыну Владиславу Александровичу Ковригину

Фрагмент карты верхьев реки Воронежа 1683 г. Север снизу. Козлова города Троицкого монастыря старец Гаврил Панов. ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного ст. 597. Л. 15

Родоначальником рода Ковригиных был Иван, чье имя известно лишь из отчества его сына. К сожалению, более подробных сведений о начале истории этой фамилии пока не найдено. Можно только говорить, что сын его Феофил (Фефил) в начале XVII века оказался среди поселенцев села Кривец Лебедянского уезда (до 1616—1617 годов — Ряжский уезд), села, возникшего на берегу реки Воронеж, недалеко от центра будущей городской и полковой службы — села Доброе Городище.

Первые упоминания о селе Доброе Городище (Добринское Городище) и других ближайших селах и деревнях начинаются только с 1610 года.

9 мая 1610 года царь Василий Иванович Шуйский пожаловал в вотчину Василию Аввакумовичу Давыдову Медведю Добринское Городище на реке Воронеж. «Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси самодержец, по своему царскому милосердному осмотрению пожаловали есмя Василья Овдакумовича Давыдова, а прозвище Медведя, за ево многие службы. Что он, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московских чудотворцов, будучи у нас в Московском государстве в нужное и прискорбное время, за веру крестьянскую (христианскую) и за святые божии церкви, и за нас, и за всех пра-

вославных крестьян против врагов наших полских и литовских людей и русских воров, которые до конца хотели разорить государство Московское и веру крестьянскую попать <...> И за те же все ве [ли] кие и нужные службы яз, царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси, пожаловал из его, Васильева, поместья Давыдова помесново окладу изо штисот ис пятидесят чети, со ста по дватцати чети, итого Василью сто тритцать чети, в Ряском уезде (Ряжском уезде) Добринским городищем на реке на Воронеже и Богородицким, да Истопными озерами по обе стороны речки Мартина Погорицы и по Панину врашку по Верхнюю Воронежскую дорогу <...> А по отделным книгам Филипа Коростелева лета 7116-го году (1607/1608) в том Васильеве поместье Давыдова в Добринском городище написано диково поля сто чети <...> И на ту вотчину ся наша царская вотчинная жаловальная грамота за нашею красною печатью ему, Восилью, // и детям ево, и внучатам, и правнучатам, и в род их неподвижно, чтоб наше царское жалованье и их великое доротство, и крепость, и храбрая служба за веру и за свое отечество последним родом было на память, и их службы и терпения воспоминали впредь дети их и внучата и правнучата, и хто по них в роду их будет, також за веру крестьянскую и за святых божия церкви и за свое отечество против воров стояли мужественно, безо всякого позыбания. <...> Писано нашего государства в царствующем граде Москве, лета 7118-го году, майя в 9 день».

РГАДА. Ф. 1209. Он. 73. №655/18212.

Тут и далее, чтобы подсчитать точное количество выделенной земли, нужно умножать количество четей на три. Это было связано с тем, что при трехпольном севообороте одно поле засевалось озимыми, другое — яровыми, а третье оставалось под паром (перелогом). Размеры каждого поля были примерно одинаковыми, поэтому писцы обычно измеряли площадь только одного поля, часто приписывая «а в дву потому ж». То есть сто четвертей земли дикого поля, которые указаны, — это одна треть от земельных владений, которые имел служилый человек, так как все четверти подсчитывались в одном поле.

13 марта 1611 года московским правительством были подтверждены владения Ивана Михайловича Борятинского, пожалованные ему Лжедмитрием I, королем Сигизмундом и царем Владиславом, по данным выписи о поместных дачах: «дано князю Ивану княж Михайлову сыну Борятинскому к суздальскому его поместью, к 706 четвертям, в его оклад, к 900 чети, в Резанском уезде в Пехлетцком стану дикое поле усада Добринская да Калининская поляна, а в них пашни 48 чети. И обоего за князем Иваном Борятинским поместья 754 чети <...> да ныне ему государь пожаловал велел отдать, что ему дано было при ростриге, а при боярех было в роздаче <...> в Суздале село 648 четьи, да вотчины в Ряском Добринское Городище <...> что было дано 100 чети».

РГАДА. Ф. 141. Д. 2.

В период еще не окончившейся интервенции и воцарения на русском престоле первого представителя из династии Романовых, Михаила Федоровича (3 марта 1613 года на Земском соборе), Доброе Городище переходит в разряд монастырских сел. Владельцами стали московский Чудов, Новоспасский и Никольско-Добренский монастыри. По записи из Вкладной книги от 12 июля 1615 года, московского Новоспасского монастыря: «Государь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович [всеа Руси] пожаловал [в дом ко всемилостивому Спасу] в Ряском уезде на реке на Воронеже, что с Чудовым монастырем вместе в Добринском городище, да в селе Ратчине, да в селе Каликине полянах, в вотчину, [для своего Царского многолетнего здоровья, и по своим Царских родителей. А по книгам письма и меры 121 (1612/1613) года Иосифа Секерина да Добрыни Русанова, в селе Добринском городище, в Спаской монастырь пашни 155 четвертей, да в Ратчине поляне 243 четверти, да в Каликине поляне 644 четверти, а всего в Спаской монастырь в селе Добринском городище, в Ратчине и в Каликине поляне пашни 1042 четверти]. И на тое вотчину дана Государева жалованная грамота [за приписью дьяка Прокопия Пахирева] 123 (1615) года июля в 12 день».

Леонид, архимандрит. Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883. С. 8.

В деле, хранящемся в РГАДА (Ф. 1209. Оп. 2. Е. хр. 13917. Д. 1.) представлена Отдельная книга Московского Чудова монастыря, московского Новоспасского монастыря и Доброго Николаевского монастыря на вотчину строителя Романа Телепнева на села Доброе городище, Каликина поляна и Ратчина поляна Рязского уезда 1615 года ноября месяца. «ЗРКД (1615) ноября... По ГЦВК Мих Фед в Руси наказу и по выписки за приписью дьяка Герасима Мартмянова Петр Иванович Новосильцев в Рязком уезде в Добром городище да в селе в Каликине Поляне да в селе в Ратчине Поляне переписал и разпросил тутошних священников а Доброго Городища попа Николы Чюдотворца Терентия Ларионова да в Каликине Поляне попа Рождества Христова Ивана Агеева да в Ратчине Поляне покровского попа Ондreja Винфаниева а старост и целовальников и всех крестьян. По государевой всея Руси крестному целованию про пашню и про всякое угодыя что была за... старцам за Раманам Телепневым в вотчине переписал и отделил в Чюдов монастырь. И Великого Чюдотворца Алексея да в Спаск в Новой монастырь да к Николу Чюдотворцу что на Добром городище село Добринское Городища на реке на Воронеже а в нем монастырь. А в списки написана письма Осипа Сикерина во РКА (1612) году и во РКВ (1613) м году в монастырь церковь Покров Пресвятой Богородицы и Покрова причистые храма нет и не было. А в монастыре церковь одна Никола Чюдотворец древен рублен клетцким. <...> ... ворота одн... да окол монастыря осып а помсы питын дубовои. Да кругом ров глубина сажени ширина полторы сажени. А в монастыре один черный старец Леонид да два миренина Василей Нищей да Иванко Иванов. А строителя Романа Телепнева нет и в розпросе и старец Леонид и все крестьяня Сказали строитель Роман из монастыря вышел в прошлом сто в двадесят в третьем году в великой пост (1614) и живет ныне не ведаем где. А в церкви Божия милосердия и всякое строенья переписано и отдано беречь Чюдовскому старцу Иосифу Новасильцу да спаскому старцу Ионе Резанцову». Документ говорит нам о еще одном вотчиннике Доброго Городища — Романе (Никитиче?) Телепневе. О Романе Телепневе мы в основном знаем как об основателе и первом строителе Покровского монастыря в Данкове. Из Писцовой книги Данковского уезда 1627—1628 годов писца Поместного приказа Григория Федоровича Киреевского (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 229. Л. 427): «Да в Донкове на посаде на усть речки Вязовни вниз реки Дону пустыня, поселилась внове. А в той пустыни церковь Пречистые Богородицы да предел Николы Чудотворца. А церковь и в церкви образы и ризы и книги и колокола и всякое церковное строенье строителя Романа Телепнева». Тут же мы видим Телепнева в качестве строителя первых укреплений Доброго Городища. Именно тех укреплений, которые с высокой вероятностью будут фигурировать в более поздних упоминаниях как монастырский острожек. Предположительно, Роман Телепнев получил вотчину в 1613 году, что косвенно подтверждается Записной пошлинной книгой (Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.). — М.: Наука, 1994. Стр. 11, 119): «Лета 7121-го (1613) февраля 27-го. По боярскому приговору велено печать ведати Ефиму Григорьевичю Телепневу да дьяку Ивану Мизинову. <...> Майя в 20 день: Запечатана грамота в Ряской по челобитью строителя Романа Телепнева з братьею о монастырьской вотчине. Пошлин дватцать пять алтын. Взято». Печатный приказ удостоверял приложением печати акты, выдаваемые в Москве частным лицам, и брал с них за это печатные пошлины. Сюда же поступали и печатные пошлины, взимаемые за регистрацию частных актов в приказных избах на всей территории Российского государства.

Из дела о земельных дачах Богдана Ильича Плещеева в Лебедянском уезде в сельце Черепяни и селе Богородицком: «И как, государь, тот Петр сослан был в Сибирь, и после, государь, ево тою землею завладели Лебедянсково уезда Болотовы слободы казаки, припусая в свои поля, а крестьян, государь, посажали за собою в захребетники»; после челобитья земли опального московского дворянина Петра Отяева (Петр Федорович Отяев сослан в Соловецкий монастырь) были пожалованы Богдану Плещееву. Из того же дела: «...прошлом де во 129 году

(1620/1621) по челобитной московского дворянина Богдана Ильича Плещеева по указу царя Михаила Федоровича дано ему государево жалованья из Офонасьева поместья Прончищева в Лебедянском уезде деревня Богородицкая Озера да звенцо в реке Воронеже за 5 чети...». 21 декабря 1620 года воевода Лебедяни Семен Васильевич Усов получает государеву грамоту с указанием выделить Богдану Плещееву поместную землю в Лебедянском уезде.

РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Рязск. Неоклеенные столбцы. №10/42008 не нумерован.

31 августа 1624 года царь Михаил Федорович пожертвовал Никольско-Добренскому монастырю пустошь левого берега реки Лесной Воронеж в пределах: устье реки Борисовка до истока, далее на Стеньшин Липяг по речке Хомутовка вниз на устье Толмачева озера. Из обыскной речи села Доброго Городища Никольского попа Ивана, старост и крестьян сел Доброго Городища, Каликиной и Ратчиной Полян от 29 марта 1628 года: «А дано было, государь, прежде сево от Никольского затону вниз по Воронежу на Нагайской стороне (в старину правый нагорный берег реки Воронеж назывался крымской стороной, а левый — ногайской) на речке на Хомутовку Спаса Нового монастыря и Чудотворцу Алексею Чюдову монастырю и Никольскому монастырю в вотчину всем трем монастырем вопче».

РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Рязск. Неоклеенные столбцы. №10/42008 не нумерован.

Через несколько лет вотчина Никольско-Добренского монастыря, что при озере Скороменском, переходит к Ивану Гавриловичу Бобрищеву-Пушкину. В Лебедянском уезде в селе Доброе Городище числились, кроме его поместных земель, вотчина, что «была преж сего вотчина Николы Добренского монастыря». На Бобрищева-Пушкина «жеребье» (доле, участке) в Добром Городище для защиты местного населения от татар располагался острог. В Писцовой книге города Лебедяни и Лебедянского уезда о его вотчине сказано следующее: «За Иваном Гавриловым сыном Бобрищевым-Пушкиным в поместье жеребей села Доброго Городища на реке на Воронеже. А в том жеребью села церковь на городище во имя Чудотворца Николы древена клетки. А в церкви Божие милосердые оброзы, и книги, и колокола и всякое церковное строенье мирское. Да на церковной земли в остроге [во дворе] дьячек Куземка Ларионов, [во дворе] пономарь Жданко Федоров». Кроме того, в остроге стояли еще 11 крестьянских и бобыльских дворов. Чудову монастырю в селе принадлежали двор, где жили управлявшие вотчиной «старцы и слуги», а также 59 крестьянских и бобыльских дворов, а «людей в них то ж». Из них 13 дворов стояли пустыми. Жившие в них крестьяне сбежали в 1625—1627 годах. На «жеребье» Новоспасского монастыря стояла деревянная церковь Рождества Богородицы с пятью дворами причта. Кроме того, обитель владела здесь 41 двором крестьянским и 21 бобыльским, «а людей в них то ж». «Да за острогом же дворовыя места по выгонные надолбы (укрепления для защиты выгонов, стад и пасших их людей) возле большой дороги вопче (общие) того села Доброго Городища Чюдова монастыря со крестьяны».

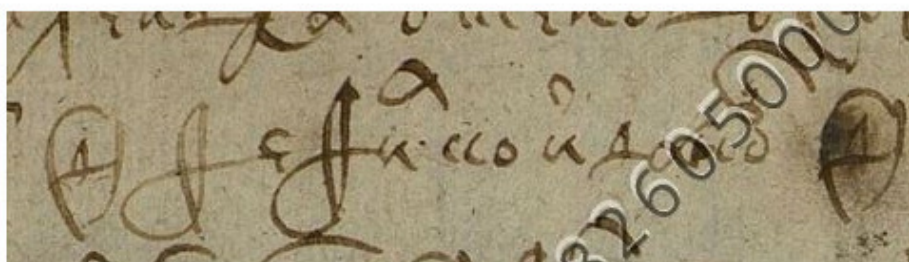
Межа вотчиной земли Новоспасского монастыря от поместной земли Бобрищева-Пушкина села Доброго Городища проходила от острогу и шла к мосту «что ездят из села Доброго Городища на поле и в Богородицкую деревню через ржавец». И по той меже от острогу по правую руку поместная земля Ивана Пушкина, а по левую вотчинная Новоспасского монастыря. «Межа Доброго ж Городища вотчинной земли <...> Чюдова монастыря того же села от поместной земли Ивана Пушкина от острогу по общему межнику к столбу <...> А от того столба з граньми через ржавец в дикое поле прямо к Посольской дороге».

Опираясь на текст Писцовой книги, особенности ландшафта и последующее территориальное деление слобод, можно с высокой долей вероятности предположить, что первоначальный острог в селе Доброе Городище располагался в районе центральной части современного села Доброе. Острог стоял на месте исторического ядра будущей Пушкарской слободы, на высоком берегу реки Воронеж, восточнее моста через реку Ржавец и границ Посольской

дороги, и точно не в районе северо-западных окраин озера Зарайского, о чем утверждают некоторые исследователи.

В той же Писцовой и межевой книге города Лебедяни и Лебедянского уезда «письма, меры и межеванья» писца Григория Федоровича Киреевского (документ традиционно датируется 1627/1628 годами, но имеет вкрапления до 1632 года включительно) упоминается Фефилко (Феофил) Иванов, в книге написано: «Да по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и отца ево государева великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русин указу по памяти ис Помесного приказу 139-го году (1630/31 г.) за приписью диака Неупокоя Кокошкина велено по приговору боярина князя Ондreja Васильевича Ситцково с товарищи и по обыском Лебедянского уезда всяких чинов людей написать за Спасским монастырем село Хомутец да село Кривец на Затоне Кривецком да починок Борисовку на речки на Борисовки на двесте чети, потому что село Кривец и деревня Борисовка поселилась в спасских угодьях. И за Спасским монастырем написано село Кривец на Кривецком затоне. А в селе церковь во имя Преображенья Господа нашего Иисуса Христа да предел Святые великомученицы Парасковей нарицаемые Пятницы. А церковь, и в церкви Божие милосердие образы и книги и колокола строенье мирское. <...> Пашни паханой церковной добрые земли пять чети, да перелогу пять чети, да дикого поля десять чети. Обоего пашни паханой и перелогу и дикого поля дватцать чети в поле, а в дву потому ж. Сена по конец церковных поль тритцать копен. Да в том же селе крестьянских дворов: <...> двор Фефилко Иванов <...> И всего в сельце Кривце тритцать дворов крестьянских да осмнатцать дворов бобыльских. Обоего крестьянских и бобыльских сорок восемь, а людей в них то ж. А по мере в том селе пашни паханой добрые земли сто чети, дикого поля на пашню двесте дватцать чети. Обоего пашни паханой и дикого поля триста дватцать чети в поле, а в дву потому ж. Сена по речки по Борисовки и по Яблонке шестьсот копен. А лес хоромной и дровяной писан в межевых писцовых книгах. А з живущего крестьяном их и бобылем платить в сошное письмо против государева указу с пять чети с полуосминою пашни».

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 229. Л. 285 Об. — 289.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 229. Л. 287 Об.

Документ 1630/31 года фиксирует решение (на основе данных 1627/1628 года) закрепить за Спасским монастырем село Кривец, а также починок Борисовку, так как они «поселились в спасских угодьях» (то есть на землях, принадлежавших монастырю). Этот документ, изданный от имени царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, фиксирует важный этап в истории села Кривец Лебедянского уезда. Он не только закрепляет его за московским Новоспасским монастырем, но и позволяет с высокой точностью реконструировать время и обстоятельства появления здесь крестьян. Ключ к датировке дает анализ земельного баланса. На момент

1627/1628 года в селе, уже имевшем церковь Преображения Господня, насчитывалось 30 крестьянских и 18 бобыльских дворов. Их общая пашня составляла 100 четей «доброй земли» и 220 четей расчищенного под пашню «дикого поля». Принципиально важно, что в крестьянском землепользовании полностью отсутствовал перелог — заброшенная для отдыха пашня. В то же время у небольшого надела самой монастырской церкви числилось 5 четей перелога. Это прямое указание на разную хронологию освоения: монастырская земля уже обрабатывалась, успела истощиться и «отдохнуть», тогда как крестьянские участки были распаханы совсем недавно, целиком на «диком поле». Сочетание этого факта с другими данными позволяет выстроить следующую хронологию.

Наиболее вероятно, что село Кривец было основано около 1615—1618 годов, в период восстановления государства после Смутного времени. С получением официальной подтверждающей грамоты, Спасский монастырь, чьи обширные «угодья» простирались в этом районе, основал на реке Кривец небольшой опорный пункт — починок или подворье. Сюда были переведены или наняты несколько крестьянских семей для хозяйственного освоения участка. Именно они начали медленную расчистку земли, построили первую часовню. Их многолетний труд к 1628 году и выразился в наличии у церковного причта не только пашни, но и полноценного перелога — признака устоявшегося, цикличного хозяйства. А о наличии такой грамоты нам говорит отрывок из следующего, уже ранее упоминаемого документа, обыскной речи от 29 марта 1628 года: «И ныне, государь, на той вопчей земле на речке на Хомутовке поселились спаския крестьяня и завладели тою тою вопчею землею и всяким угодьем адни. А на речке на Борисовке и на Кривце поселились спаские ж крестьяня по государевой грамоте и по дачем в своем округе».

Основная же масса крестьян, чьи дворы перечислены, прибыли сюда позже, в период 1618—1623 годов. Именно они и являются теми «вновь заселившимися». Их недавнее прибытие объясняет главную особенность их землепользования: им пришлось сразу распахать целину («дикое поле»), и их наделы ещё не прошли полный цикл, чтобы уйти под перелог. Мирская инициатива этой быстро растущей общины привела к строительству новой, основательной церкви. Храм во имя Преображения с приделом Параскевы Пятницы, возведенный «строеньем мирским», стал символом состоятельности села. Его наличие к моменту писцового описания 1627/1628 годов говорит о том, что строительство было завершено, скорее всего, именно в первой половине 1620-х.

Таким образом, указ «по памяти ис Помесного приказу 139-го году» стал правовым итогом почти пятнадцатилетнего процесса. Он узаконил сложившийся факт: крестьяне, самовольно или по приглашению поселившиеся на монастырских угодьях в 1615—1623 годах, а к 1627/1628 году построившие церковь и распахавшие значительные земли, вместе со своим селом официально переходили в вотчину Новоспасского монастыря.

Летом 1618 года двадцатитысячное войско, состоящее из черкас (запорожских казаков) во главе с гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным razорило Елец и оттуда выдвинулось на Лебедянь. Сюда устремился отряд походного атамана Михаила Дорошенко, который razорил город «без остатку»: укрепления были уничтожены, посад и слободы пожжены, жители разбежались, были убиты или взяты в плен. Следующим пунктом на пути войска гетмана был Данков. Узнав о появлении в окрестностях Данкова войска Сагайдачного, местный воевода Алексей Терентьевич Чубаров получил наказ перевести всех жителей в город Михайлов, где ему надлежало занять оборону. Часть данковцев, тем не менее, «собрав порох и свинец под руководством воротника Якима Акулова» (воротники приписывались к городским или крепостным воротам для несения караульной службы, относились к «людям пушкарского чина»), попытались скрыться в городе Пронске, однако по пути были настигнуты и razгромлены запорожцами. Покидая Данков с семьями и скарбом, служилые люди потеряли надежду вернуться домой, плакали, прощались с могилами предков: «прощаются у могил, плач великой». Неко-

торые данковцы не присоединились к большим группам беженцев, ушедшим в Михайлов и Пронск, а разбежались поодиночке в прочие города рязанской окраины — Рязск, Лебедянь и Воронеж, а также в монастырские села. Показательным примером такого вынужденного переселения из разоренных земель является история сына данковского стрельца Исайки Микитина сына Медведева, бежавшего после разорения «старого» Данкова в вотчину Чудова монастыря, село Ратчино.

Нашествие Сагайдачного имело самые печальные последствия. Десятки сел и деревень были уничтожены, разграблены и сожжены. Многие из них так и остались «пустошами», то есть местами, где когда-то жили люди. «Черкасы приходили в Российское государство на государевы украинные города и места повоевали, и крестьянскую кровь многую пролили, и церкви Божии обругали». В переписных книгах 1628 года, составленных после нашествия, можно встретить следы того «литовского разорения». Например, при описании какой-либо деревни писец отмечал: «а было раньше село, а церковь выгорела, как приходили литовские люди в 1618 году...».

На основании исторических свидетельств о разорении Елецкого, Лебедянского и Данковского уездов в 1618 году казачьим войском гетмана Петра Сагайдачного можно выдвинуть предположение, что именно население, пострадавшее в ходе этого набега, и составило основу новых переселенцев в район реки Кривец и окрестные селения в период с 1618 года. А первые же поселенцы могли быть из Дмитровского уезда. По переписным книгам 1627/1628 годов в Повельском стане Дмитровского уезда, после польско-литовской интервенции значились бывшие населенные пункты Ковригино («пустошь, что была деревня Ковригино»), Кривец на Дубне и починок Фурсов на Дубне, все в монастырской вотчине за Дмитровским Борисоглебским монастырем. В Повельском стане Дмитровского уезда также располагалась вотчина Чудова монастыря село Борисово. «... а писана та Чудова монастыря вотчина, село Борисовское — по царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, жалованной грамоте 63 году».

В октябре 1636 года населенные пункты, расположенные на левом берегу Воронежа напротив сел Доброго Городища и Каликиной Поляны переводят в Козловский уезд: «Да в той же отписки написано которые села и деревни от городов отдалели а х Козлову поддались. <...> За Спаским монастырем в вотчине село Хомутец <...> село Кривец <...> починок Борисовской <...> Чудова монастыря вотчина починок Буховой выселился на монастырской же земле с Ратчины Поляны».

К февралю 1637 года в Козловский уезд отходят села Доброе Городище, Каликино и Ратчино.

«А по отписке и по росписи ис Козлова Ивана Биркина РМЕ (1637) года февраля в (9) день в тех селех и деревнях крестьянских живущих дворов на крымской стороне в селе Доброе Городище в селе Каликине в селе Ратчине РЛС (136) дворов. На нагайской стороне в селе Кривце в деревне Борисовке в селе Хомутец РЧА (191) двор. И с той спаской вотчины з живущих дворов с 1637 году у козловских крепостей стоят даточные люди з десяти дворов по человеку с пищалью всего ЛГ (32) человека».

В 1638 году монахи Спасского монастыря архимандрит Иона и келарь Феоктист Колединский бьют челом царю Михаилу Федоровичу о своей вотчине — селе Добром Городище и новых починках в Лебедянском уезде. После того как эти земли по государеву указу были приписаны к новому городу Козлову, их крестьяне вынуждены тянуть тягло и работать на строительство укреплений уже в Козлове. Однако лебедянский воевода, следуя старому порядку, продолжает требовать с тех же крестьян работ и людей для Лебедяни, в частности — для строительства стругов. От двойной подати и непосильных повинностей крестьяне разоряются и разбегаются, а монастырские земли пустеют. Монахи умоляют царя смилостивиться и повелеть, чтобы их вотчину ведал и облагал повинностями только один город — либо Козлов, либо Лебедянь, дабы остановить разорение.

В ответ на челобитную монахов Государь пожаловал: «От Царя и Великого князя Михаила Федоровича на Лебедянь воеводе нашему Ивану Михайловичу Колтовскому в прошлом в 1637 году по нашему указу велено Лебедянского уезду Спасского монастыря вотчины село Доброе Городище, село Ратчино, село Каликино, село Кривец, село Хомутец, деревню Борисовку, деревню Липовку к новому городу к Козлову. И ныне били нам челом станowego монастыря архимандрит Иона да келарь Феоктист Калединской з братею чтоб по оному указу вотчина станowego монастыря село Доброе Городище с деревнями и починками приписать в уезд к Козлову городу и городовые поделки делать в Козлове».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 116. Л. 123.

30 апреля 1643 года на территорию уезда, в том числе на Доброе Городище, совершают набег 600 татар и 200 черкас. «С вогненным боем» перешли они через реку Польшый Воронеж и расположились в Козловском и Лебедянском уезде. Они «воевали» вотчины Чудова монастыря (с. Доброе городище, с. Хомуты, с. Кривец с деревнями).

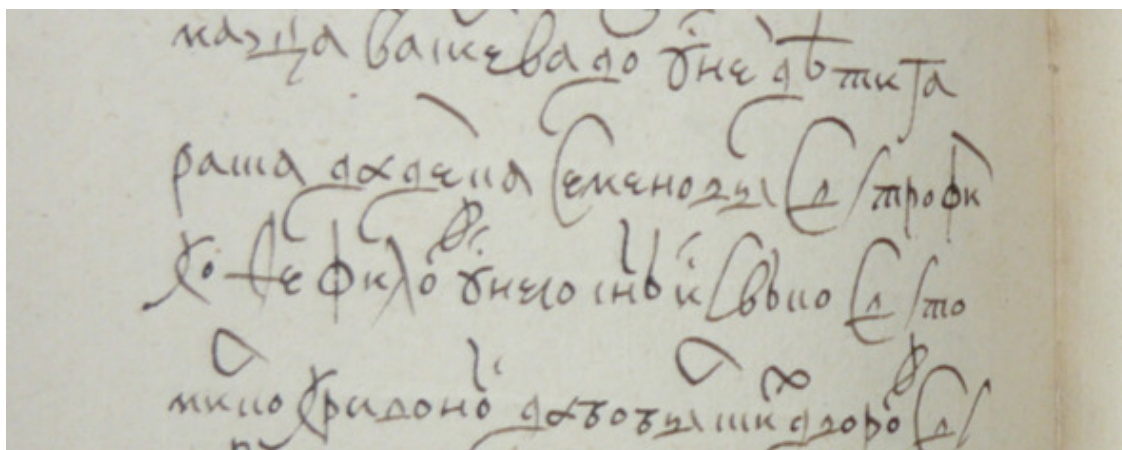
Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л. 1948. С. 317—318.

«Во 7151 (1643) году апреля в 30 день в Козловском уезде приходили воинские люди татаровя и черкасы и нашу монастырскую спаскую вотчину села Кривец и села Борисовку и села Хомутец и деревню Липовку разорили до основания и крестьян и их жон и детей в полон поимали и побили <...> Черкасы Спасского монастыря в вотчины в села Кривец и в том селе убили крестьян 6 человек да в полон взяли мужского и женского полу 128 человек <...> В нынешние в 7151 (1643) г сентября в 15 день написано. В спаской вотчине по нагайской стороне в селе Кривце в селе Борисовне в селе Хомуте в деревне Липовке крестьянских 330 дворов. И те дворы от татарские войны многие пусты. И к нынешнему к 7152 (1643/1644) году ржи не сеяли <...> А по росписи (в селе Кривец) побито 6 человек. В полон взято крестьян 13 человек. Матерей и жон 52 человека. Детей мужского полу 35 человек. Дочерей и внучат 21 человек».

Последствие нападения отражены также в переписной книге 1646 года: «Село Кривец на Воронеже, а в нем церковь Преображения господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да в пределе святой великомученицы Парасковей, нарицаемая Пятницы, осквернена от татар <...> Да в том же селе Кривце запустело от тотарского разоренья 104 двора. Всего восемь дворов крестьянских. Людей в них четырнатцать человек. С 5 дворов бобыльских, людей в них шестнатцать человек».

В этот период фиксируется первое документальное упоминание о сыне Феофила — Трофиме. Данный факт был зафиксирован в рамках Подворной переписи 1646 года по селу Каликино. «В Гороцком же стану за мнстри в вотчинах. Вотчина всемилостивого Спаса Нового монастыря, что на Москве в селе <...> Каликине на речке на Коромне церковь во имя Рождества господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да в пределе святого пророка Ильи вопче Чудова монастыря вотчины с крестьяны <...> Да крестьянских дворов <...> двор Трофимко Фефилов у него сын Иевко».

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 230. Переписная книга Лебедянского уезда. 1646 г. Л. 281 Об.

Трофимко Фефилов у него сын Иевко

Отсутствие в Писцовой и межевой книге города Лебедяни и Лебедянского уезда по селу Каликино за 1627—1631 год людей с именем или отчеством Фефил позволяет установить хронологические рамки появления Трофима в данном населенном пункте не раньше 27 и не позднее 46 года, а возможно, Трофим Фефилов обосновывается с семьей в селе Каликино во время или сразу же после татарского набега 1643 года.

В конце 1646 года, в преддверии зимы, царь Алексей Михайлович принял судьбоносное решение о превращении села Доброе Городище в крепость. 14 декабря 1646 года по царскому указу Алексей Михайловича было велено отослать из Воронежа в Доброе Городище к воеводе Иванису Кайсарову 300 пищалей для тамошних драгун.

Царь Алексей Михайлович, портрет написанный неизвестным художником до 1670 года. Государственный Русский музей. СПб

Весной 7155 (1647) года вотчины Чудова и Новоспасского монастырей были отписаны на Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, с переходом всех жителей на положение «приборных служилых людей» и записью их в драгунскую службу. У них остались их земельные наделы, «а землею и сьнными покосы вельно имъ владѣть по прежнему, какъ они владѣли, будучи за монастыри», при этом они освобождались от выплаты государственных повинностей — «ямских денег и стрелецких кормов», и «никаких оброков имать с них» было не велено. Жалование драгунам не полагалось, они служили — «кормились» — от земли. Правительство снабжало их лишь оружием и боеприпасами. При этом коней для службы драгуны выделяли из

своего хозяйства, «со всякого двора по человеку конному и с пищалью», с условием, чтоб драгуны «и прежние свои пашни пахали, и хлеб сеяли, и государевы службу служили». Специально оговаривалось, чтобы «к службе держали добрые особные лошади опричь пашенных лошадей». «велено нам... к твоеп гдрвои драгунской службе держат особныя лошади опричь пахотных лошадей» (Добрый 1647, Дополн. стлб. 46, л. 162). Также драгуны должны были иметь при себе «и пищали, и сабли, и рогатины, и всякое б ружье у них было у всех». От каждого двора записывалось по одному человеку с указанием «отцы и прозвищи». «Имать в службу» требовалось «мужиков добрых», которые «лет в по третьятцать и выши до сорока пяти». Брать «за пятьдесят лет старых мужиков в драгунскую службу» категорически запрещалось.

В распоряжении царя и правительства от 30 апреля 1647 года сказано, что первый воевода Доброго Иванис Михайлович Кайсаров должен был «в Добром городище и во всех селех и деревнях взять в драгунскую службу со всякого двора по человеку по конному».

Обучал добренцев «драгунскому строю» первоначально Селиверст Пятово сын Филатов, история сохранила о нем информацию: «...построен был тот двор драгунского строя начальному человеку Селиверсту Филатову а в тою пору то место было за городом и не в остроге а как построен острог и то место учинилось в остроге». Селиверст Филатов принадлежал к так называемым «начальным людям», назначенным обучать и командовать служилыми людьми в полках нового строя. «Филатовы. Селиверсть Пятово — начальный человек у добренских драгунъ, 1649—1652 гг». РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 781. Л. 28, Д. 780. Л. 12 Об.

Драгуны должны были нести гарнизонную службу, стоять на сторожах (заставах), выходить для преследования и схваток с татарами, строить новые укрепления.

Драгунская служба представляла собой одну из наиболее обременительных форм военной повинности, что обусловило появление практики подряда. Многие драгуны, стремясь облегчить свое бремя, делегировали часть своих обязанностей (как правило, треть или половину) другим лицам за денежное вознаграждение или за соответствующую долю своего земельного надела. В результате сформировались категории третчиков и половинщиков, отражающие степень участия в выполнении драгунских функций.

Драгун в конном строю 1638—1654 гг. Рисунок Белоглазова В. Е.

После образования Добренского уезда в 1647 году и его включения в состав Белгородской засечной черты, часть драгун была верстана в дети боярские. Это сословие, занимавшее промежуточное положение между дворянством и крестьянством, получало денежное и поместное жалованье, что делало его ключевой социальной группой в южных уездах России. Дети боярские, как и драгуны, делились на две основные категории: городовые и полковые. Первые выполняли гарнизонную службу по охране укреплений и городов, в то время как вторые принимали участие в военных походах в составе русского войска. Осадную (городовую) службу несли только «с земли», с поместных владений; денежное жалованье воинам, находившимся в осадной службе, не выплачивалось. За исправное исполнение обязанностей дети боярские могли быть переведены из осадной в полковую службу с повышением поместного оклада и выдачей денежного жалованья. В городской службе продолжали числиться дети боярские, которые не могли нести полковую службу по старости, болезни или из-за тяжелых увечий.

В 1647 году Кайсарову приходит распоряжение из Москвы: «И как к тебе ся наша грамота придет и ты б Доброво городища драгунов в монастырской острог не посылал для того что тот монастырской острог по нашему указу велено свести и служилых людей отпустить по домом».

По материалам книги И. В. Рыльщикова «СВО XVII века. Историческое исследование». — Москва: АСТ; КПД, 2026.

Сведения о остроге в Добром встречаются и в 1632 году. В «доездной памяти» казак Артемий Первый указывает: «Лета 7140 года августа в 10 день. По государеву <...> указу, по наказной памяти воеводы Ивана Григорьевича Скорнякова-Писарева ездили мы, лебедянские казаки, Артемий Первой с товарищи, в Лебедянский уезд Спасского и Чудова монастырей в вотчины, и в Иваново поместье Бобрищева-Пушкина, что была преж сего вотчина Николы Добренского монастыря, в село Доброе городище, и в Ратчину и в Колину поляну высылать в осаду в город на Лебедянь по вестем воинских людей татар прикащиков и крестьян с женами, и с детьми и с запасы, и тех монастырских вотчин старосты, и целовальники и крестьяне учини-

лись сильны, не послушали, в город на Лебедянь не поехали. А прикащик Спасской вотчины нам, казаком, отказал: «в осаду де нам не бывать, у нас де свой острожек! а скажите де воеводе, чтоб прислал к нам сотни две нас в вотчине здесь оберегать!»

Начинается строительство новой крепости. Сам же город — крепость Добрый был основан 16 апреля 1647 года указом царя Алексея Михайловича. «Город Добрый построен деревянной на ровном месте во 155 году апреля в 16 числе».

РГИА. Ф. 1343. Оп. 15, Д. 377. Сведения, доставленные из губерний для составления городских гербов и переписка о полковых знаменах. Л. 277.

В городе Добром и в остроге перед городскими воротами с восточной стороны было 11 башен. Вокруг острога — ров с двух сторон, а с третьей (от реки Воронеж) — надолбы дубовые. Это был очень компактный «город» с периметром около 315 метров и площадью примерно полгектара.

«Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичу всяя Руси холоп твой Иваншко Кайсаров, челом бьет, в прошлом Государь во 1648 году апреля в 26 день прислана мне, холопу твоему, Твоя Государева Царева и Великого князя Алексея Михайловича всяя Руси грамота из Розрядного приказа за приписью дьяка Григория Ларионова. А по той твоей грамоте велено мне холопу твоему отписать к Тебе Государю, что в Добром городище в Твоей Государевой казне земля и, и винных, и всяких хлебных, и пушечных запасов. И каков в Добром устроен город со всякими крепостями и у меня <...> А город у меня, холопа твоего, в отделке вал. В городе, Государь, строенья: погреб казенный на зелейную казну рублен дубовый, поставлен в землю с выходом, у погреба замок снимной на пробоях, у выхода решетка, амбар ржаной <...> у амбару изба сторожня, колодезь труб рублен дубовой глубина колодезю до воды три сажени, ширина труба сажень, в колодезе вода ключевая, у въезжей башни, подле ворот изба сторожня тюрьма дубовая рубленая в земле <...> на земляной тюрьме верхняя тюрьма, около тюрем острог дубовый, околос острогу дватцать две сажени две чети, вышиною острог две сажени две чети <...> Пушка, а к ней — сто ядер У тюрьмы, у въезжей башни, у ворот изба сторожня и изба приказная: горница с комнатою. На подклете в комнате подволока <...> въезжея башне вышина по крышу пять сажень две чети, ширина башне межугол две сажени две чети. <...> На башне пушка дватцать восемь пудов счестью, к пушке сто ядер весом ядро по три гривеника, у пушак конат посконной витой, под пушкою роскат мощен тесом. У той же въезжей башни около ворот огорода острог дубовый, подле огорода по поповше рублены тарасы дубовые и землею насыпаны около огорода пятнатцать сажень. Ворота у огорода в ширину сажень, вышина воротам сажень с четью, ворота крыты тесом, а от огороженных ворот через ров мост, в длину мосту девять сажень, в ширину мост меж перил две сажени. В огороде пушка на дватцать восемь пудов пятнатцать гривенок, а к ней сто ядр весом ядро по три гривеника, меж башенных и огороженных ворот шесть сажень, а от въезжей Государевой башни городской стены до крайной башни прясло тритцать сажень и треть сажени. Башни города-крепости Красной Государевой башне вышина до крышки пять сажень, ширина Государевой башне меж угол две сажени две чети, а на ней Государь пушка дватцать семь пудов с четью, а к ней сто ядр весом ядро по три гривеника, под пушкою роскат, конат посконной витой, над пушкою вестовой колокол, над колоколом шатер вышина шатру две сажени, в среднем бою у башни двои двери, у дверей цепи с пробоями в подушвенном бою двери с цепью и с пробоями. Башня поставлена на дубовом мосту, а от той Государевой красной вестовой башни да наугольной башни по городской стены прясло тритцать три сажени две чети, а меж красной вестовой и наугольной башнями роскат под вестовую пушку вышина роскату до обламов две сажени две чети, ширина роскату три сажени с осьмухою. Вестовая пушка сорок девять пудов, а к ней девяносто да пять ядер, весом ядро пошти гривенок, у пушки конатпосконный витой. На угольной башне вышина до крышки четыре сажени, ширина меж углов две сажени две чети, а на ней пушка дватцать семь пудов с четью, а к ней сто ядр весом по три гривенки, под пушкою

роскат мощен мостом, в среднем бою двои двери, у дверей цепи с пробоями. Башня поставлена на дубовом мосту в подошвенном бою двери, у дверей цепь с пробоями, а от наугольной Государевой башни до выездной башни стена городовая прясло тридцать одна сажень. Выезжей башне вышина пять сажень три чети, ширина у башни меж угол две сажени две чети, ворота у башни сажень вышины, ширина сажень с осьмухою <...> на башне пушка дватцетъ восемь пудов две чети и под нею раскат мощен тесом, а к ней сто ядр, весом ядро пять гривенки. А около той выездной башни огорода, около огорода семнатцетъ сажень с четью, у огорода ворота вышина сажень с четью, ширина сажень с четью, ворота крыты тесом, а меж Государева острогу и выездной башни и огороженных ворот шесть сажень, после огорода рублены тарасы дубовые землею насыпаны и бойницы поделены у той же Государевой выездной башни от ворот через ров мост в длину помости двенатцетъ сажень, ширина меж перил две сажени. Из тайника — в подземный ход В огороде пушка дватцетъ восемь пудов, а к ней сто ядр, весом ядро по три гривенки, а от выездной Государевой башни до тайничкой башни городской стены прясло дватцетъ сажень, тайничкой башне вышина три сажени две чети, ширина меж углов две сажени две чети. На башне пушка дватцетъ восемь пуд две чети, а к ней сто ядр весом по три гривенки, под пушкою раскат, мощен тесом, тайник под башнею, ход из города к реке Воронежу, длина тайнику восемь сажень две чети, ширина сажень, в тайнике колодезь, струб рублен дубовый, глубины до воды сажень, ширина струб сажень, в колодезе вода ключевая. А от тайника, Государь, до реки Воронежа до воды восемь сажень, в той же, Государь, башне в подошвенном бою пушка дватцетъ восемь пуд, а к ней девяносто ядр, весом ядро по три гривенки, у тайника у дверей цепь с пробоями, над выходом и над дверьми шатер на столбах, крыт тесом зубцы, а от тайничкой, Государь, башни до выездной башни городской стены прясло дватцетъ четей с осьмухою. Город, Государь, стена и башни крыты тесом зубцы, около города ров, глубина рву две сажени, в пашве сажень без чети, в верху рву ширина три сажени с четью, во рву ж с обеих сторон для осыпи ставлены бревна дубовые плочены на сваях на дубовых ис под нее концы у бревен ставлены подвальные дубовые бревна, ров от города две сажени две чети».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 185. Л. 176—179.

В 1648 году в Добром Городище были «прибраны» на службу 29 пушкарей. Необходимо отметить, что пушкарки в XVII веке не только обслуживали артиллерию, но и исполняли полицейские функции. Они задерживали как преступников, так и обвиняемых воеводой в правонарушениях жителей города и уезда, участвовали во взыскании неуплаты по налогам и сборам, отправлялись «имать нетчиков» — выявлять тех, кто уклоняется от военных сборов, искали «утеклецов» — беглецов из тюрьмы.

Весной 1649 года в Доброе Городище прибывает новый воевода Федор Петрович Обернибесов.

Сразу же по своему приезду, им был устроен конный смотр. Обернибесов сообщил в Москву: «И у смотру государь передо мной холопом твоим объявилось с ружьем которым дано твое государево ружье 873 человека. А без ружья 76 человек. И своего ружья у них нет. Да без шпаг 69 человек без лядунок 86 человек».

В этом же году добринцы бьют челом от имени всего города государю Алексею Михайловичу: указано де им быть в драгунской службе, а в крестьянах не быть, а ныне де приезжают в Добрый с грамотами многие служилые люди и вывозят их «по старине в крестьянство», отчего драгунские службы пустеют: «а мы холопи твои, — писали челобитчики, — в твоём государеве украинском городе в Добром Городище людишка мало и не все схожая». Добренский воевода Федор Обернибесов в сопроводительной к челобитной отписке подтвердил, что от тех исков в крестьянстве «город людьми скудеет, и государевы службы пустеют, потому что де они [добринцы] люди не старинные, мало и не все схожие». На челобитной 1649 года 29 июля помечено: «Государь пожаловал, велел дать память в Доброе и приказать без московского

указа в крестьянстве и в холопстве, которые в драгунах, суда не давать, а кому дело — ищи на Москве в Разряде».

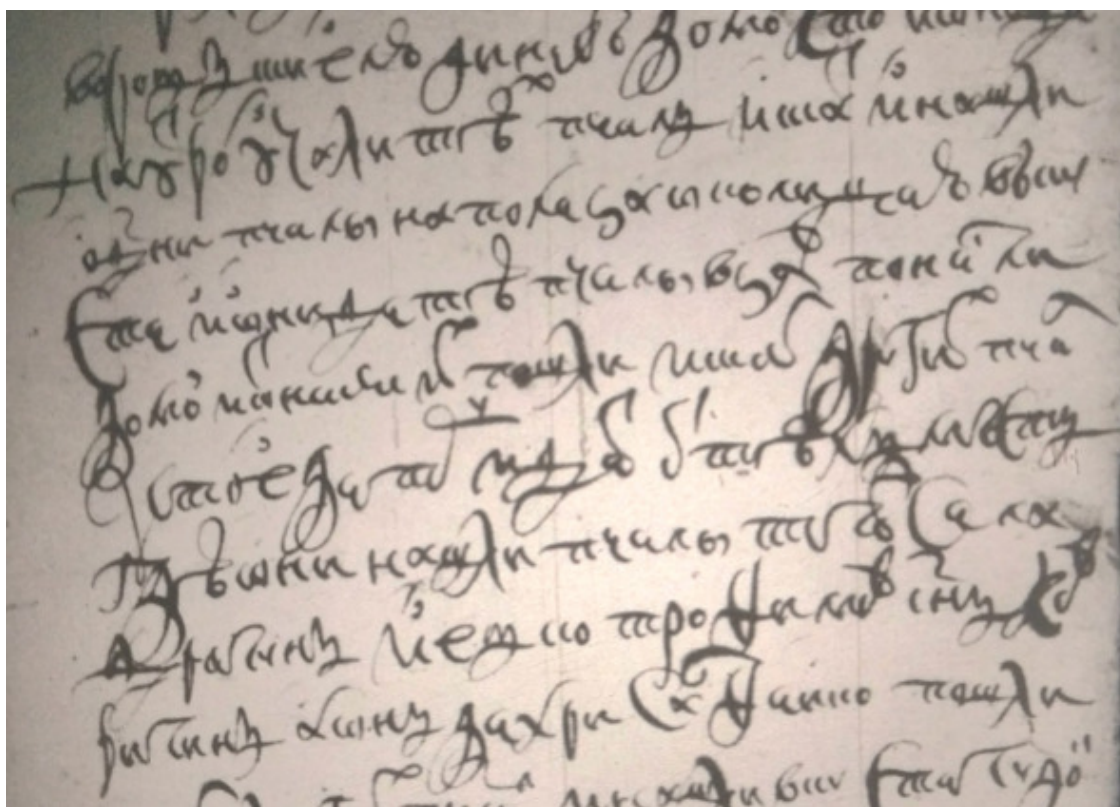
РГАДА. Ф. 210 Оп. 12. Столбцы Приказного стола №185. Л. 213—214, 364, 430.

Приняв город, новый воевода позаботился и о расширении ее небольшой крепости. Обернибесов пишет челобитную на имя царя. По вестям — во время прихода врагов людям со всего уезда велено «бежать в город наспех з женами и з детьми со всеми животы в осаду для <...> осаднова времени» и прятаться за городскими стенами, а город мал: «внутри города по стене 47 сажень».

Ответ был скор: «...а по твоей мысли и по скаске драгунов лутчих людей зделать к городу с одну с верхнюю сторону реки Воронажа к Бобышевскому затону острог стоячей дубовой. А в башнях будет лес сосновой, По мере острогу будет в трех стенах 160 сажень, Да по острогу ж будут две башни с проезжами ворота да три башни глухих». И то острожное дело велено было делать «безо всякие мешкотств». Расширение увеличило общую укрепленную территорию примерно в 3 раза — до 1,8 — 2 гектаров. Это уже позволяло укрывать население уезда во время осады.

На 1649 год приходится упоминание о старшем сыне Трофима — Иевко (Иевль). В деле, хранящемся в РГАДА (Ф. 210. Оп. 13. Д. 264. Л. 10—13), находим следующую запись: «РНЗ (1649) г августа в И (8) день бил челом ГЦВК Алекс Мих В Руси а в Добром городище в съезжей избе воиводе Федору Петровичю Обернибесову извещал словесно Доброва городища села Каликина драгун Хрисанфейко Покидов. А в извете своем сказал. В нынешнем де во РНЗ м году августа в 6 день против 7 го числа в ночь покрали де у них со пчельника трои пчелы воровские люди неведомо кто. И они де на утро учали тех пчел искать и нашли одни пчелы на поле за околицею в кусте. И они де те пчелы взяв понесли домой. И отнеся их пошли искать других пчел. И в тое де пору идет от тех мест где они нашли пчелы того ж села драгуны Иевко Трофимов сын Ковригин. А он де Хрисанфейко пошли искать других пчел и нашли в кусте гудок. И тому де гудку выискался хозяин того ж села драгун Федоско Быков. А назвал иво своим тот де гудок сына иво Федоскова меньшева. А схоронил де он иво от иных товарищей кои с ним с тое пору нашли лошади. И он де тот гудок изьяв положил зя третьива за капрана за Афонася Тимофеива до указу. Да того ж де дни молотил у дьячка у Матвея драгунской сын Васьки Микулина брат де иво Хрисанфейков Гаврилко идет мимо того гумна. И тот де Васькин сын говорит тебя де пчелы пережалили. А кто де от твоих пчел вел того де и больши тебя изжалили. И августа в 9 день села Каликина драгунской Федосов сын Быкова Исайко расспрашиван. А в роспросе сказал. Пасли де они лошади в Преображений день и пасучи играли в гудок. И играв де он Исайко покинул иво под кустом. А гудок де у них был драгунского брата Симки Балагурова. А он де Исайко играл в тот гудок и назавтрее Преображеньива дни перед обедом. И в тое пору видели иво Антонко Иванов сын Кочетов. И у него де в тое пору лошади побежали и он де иво покинул под кустом. А у пчел де он не бывал и их не крадывал. И у них никоно не видал. А отец иво Исайков Федоско сказал в которой день Ивана Покидова дети нашли свои украденные пчелы. А он Федоско в тое пору был на поле и приехав с поля того дни в вечеру. А Хрисанф де стоя на улице являет покрали де у него пчелы. И у тех де пчел нашол он гудок неведомо чей. И он де Федос слыша от сына своиво Исайка что в тот гудок играл он Исайко и покинул иво под кустом. И он де Федоско потому и бил челом Хрисанфутки до.. чтоб на него не бил челом. А чей тот гудок того он Федоско не ведает. А Еско Трофимов в роспросе сказал бил де челом на него Хрисанф Покидов ложно. Как де у него пропали пчелы и бутто де он Ивко шел от куста вон. А после де иво в том кусте они нашли пчел. А он де Иевко у того куста не бывал. И Ивана Покидова детей никоно не видал. Только де он видял часу в третьем дни как отвел свои лошади драгунского Куприка Лукьянова сына Аксенка Короткого вел лошадей на поле. Иво де он спросил ты де не отводу лошаде своих вдал ту и путаешь. Да он же Иевко расспрашиван в тот день лицо у него запухло пчелы изжалили и то видяли драгунской Васильив

сын Микулина. И он Иевко в роспросе сказал в праздник де Преображеньев день день был он в селе Володимерском у драгуна у Ивашка Логвинова села ж Каликина з драгуны с Ываном Негодяивым да с Ываном Моторкою и мидбели иво де в тое поры пчелы жалили. А тот де Иван Логвинов у него и жала вынял. А ходил де он Иевко к нему Ивашку без зову искал де он своиво егнока и их пустин на поле у кургане и спросил их где они идут. И они Иван Моторка да Макарко Негодяив ему сказали мы к нему человеку добру медуесть к Иванову сыну Логвинова. А он де Иевко с ними ж пошел и пчелы де иво Иевка при них жалили и опухоль они на не видели. Да в роспросех сказал села Каликина драгун Ивашко Емельянов в нынешнем де во РНЗ (1649) году августа в 6 день был де он Ивашко в селе Володимерском у драгуна у Ивашка Логвинова села ж Каликина з драгуном с Макарком Негодяивым. И как они шли дорогою и их де постиг на дороге села Каликина драгун Иевко Трофимов на поле у кургана и с ними шел до села Володимерского. И пришет в село от них отходил проч не в дом о куды и как де они Ивашко и Макарко сели... а он де Трофимка пришел к ним и после обеда тот Трофимка ходя по двор лица постирает. А говорит так пчелы де иво сжалили. А он де Ивашко того не видал как иво Иевка пчелы жалили. И опухал на нем былали Ивашко Логинов из него пчел жалы вымали того он Ивашко ничево не ведает. А сказывал де он Иевко ужалила де иво пчела и лицо он потирает и на лице де у него красно. А жала де у него в лице он не ведал. Да в роспросе ж сказал Макарко Негодяив те ж речи что сказал Ивашко Емельянов. Да в роспросе ж сказал Федотко Васильив с Микулина то де ему ведомо на другой день после Преображениива дни видял де он Федькою дет на поле села Каликина драгун Иевко Трофимов з братом. И от де... а лице у него сапухло пчелы изжалили. И он де потому говорил Гаврилу Иванову сыну Покидову. Августа 12 день в допросе сказал села Каликина церковной дьячек Матюшка Проскурнин на Иевка Трофимова прежнюю улику того ж году по зимнему пути украл де у него тот Иевко стог сена и в том сене винился. И ему добивал челом при многих людех. И тот Иевко Ковригин по той улике и в прежних в ыных воровствах пытан. Дано ему в спину дватцать ударов».

Перед нами отрывок из судебного дела о краже пчел, датированного августом 1649 года. Драгун Хрисанфейко Покидов подал воеводе Федору Петровичу Обернибесову изветную челобитную о том, что у него с пасеки украли три колоды пчел. В ходе поиска нашли пчел и музыкальный инструмент (гудок). Основным подозреваемым стал Иевко Ковригин, которого видели рядом с местом находки, а также заметили, что его лицо опухло от укусов пчел. Иевко отрицал вину, ссылаясь на алиби и случайные укусы в другой день. В деле также упоминается, что этот же Иевко Ковригин ранее был уличен в краже стога сена у церковного дьячка Матюшки Проскурнина и за это был подвергнут наказанию. Что тут — вражда соседей и просто навет, или действительно Иевко Ковригин был повинен в том, о чем его обвиняли? Суровые были времена — суровыми были и люди.

Так или иначе, в этом деле мы видим первое из найденных на данный момент упоминаний родовой фамилии — прозвища Ковригиных. И оно восходит к прозвищу предка, Ковриги. Ковригами в давние времена называли людей, участвующих в разделе общего семейного хозяйства, так как именно при этом, по обычаю, резали ковригу, делили хлеб. «Ковригу резать — двоим наклад», — так говорит пословица, приведенная в сборнике «Пословицы русского народа» Владимира Ивановича Даля. А возможно фамилия происходит и от мирского имени предка — Ковреи (Коврея Боранцов, Белев, 1626) или прямо указывает на место происхождения родоначальника, из которого семья переехала на новое место жительства — «пустошь, что была деревня Ковригино».

Осенью 1649 года в добренскую ружейную казну были завезены и розданы невооруженным драгунам «400 пищалей з замками да 400 шпаг». Это позволило не только довооружить новоприборных драгун, но и заменить 220 карабинов, у которых сломались «шкоцкие» замки.

В 1649 году 100 добренских драгун, сменяясь ежемесячно, были посланы на строительство земляного вала в Усмани. От драгунов требовалось иметь в походе на Усмань «по топорку да по рогатине, да у них же у дву человек заступ да лопата».

В феврале 1650 года драгуны Доброго городища для новой крепости получили «с Тулы четыре пищали железных со станками на колесах, две по 3 гривенки, две по 2 гривенки, да по сто ядер».

Исследователь И. В. Рыльчиков в своей работе «СВО XVII века. Историческое исследование» подробно разбирает обстоятельства конфликта воеводы Обернибесова с драгунами, отмечая, что противостояние длилось почти два года и закончилось судебным разбирательством в Москве. Непривычка добринских драгун к дисциплине и порядку, вмешательство воеводы в личную жизнь драгун и обвинения в том, что воевода сажал драгун в тюрьму и штрафовал за преступления вылились в вал челобитных на имя царя. Обернибесова вызвали в Москву и там заключили под стражу. Провели следствие, вызвали драгунов из Доброго Городища и из уезда на допрос и на суд. 21 марта 1650 года в Москве дьяки Разрядного приказа устроили очную ставку Обернибесову и добринским драгунам. На очную ставку явился 151 человек. «К Москве не бывали а за них били челом государю и очной ставке были товарищи их РМ (140) человек». Конфликты закончились замирением сторон, хотя воеводе пришлось долго отвечать на все челобитные в Разрядном приказе.

Одним из челобитчиков был и Трофим Фефилов. Трофим Фефелов (так по тексту) бил челом на Обернибесова: «Сего челобитчиков на Федора Обернибесова Добренских драгунов 54 человека а денег про те их челобитья написано в челобитных что вынял с них Федор Обернибесов 373 рублей да меду 32 пуда цены меду не написано корова да бык 2 рубли да мерен 2 рубли да кушак 3 рубли да пищаль».

«Царю <...> всея Русии быют челом холопи твои Доброва Городища драгуны Сергеев Андрюшка Звягин Ивашко Амельянов сын Колупайко Трофимка Фефелов Алфимка Алфеев Мишка Торнакин Пантелеев Бочаров Петрушка Степанов сын Трунова Байдилов Андреев Боломудцов Афанасьев Фомин Золотарь Разувайко Бухвост Непекин. В нынешнем государь

во РНФ (1651) году били челом мы холопи твои тебе государю на Федора Петровича Обернибесова ва взятках своих. И мы холопи твои с ним Федором в том помирились. Милосердый <...> Царь государь смилуйся».

В судебном постановлении было сказано: «лета РНФ (1651) г. июня <...> доправить 1050 рублей и отдать те деньги добренским драгунам потому что Федор Обернибесов будучи в Добром Городище в приказных людех те деньги на драгунех взял с них за правежем. И сыну боярскому Иеву Ерофеиву те деньги на Федоре Обернибесове править нещадно». Царь и бояре объявили Федору: «и за ту твою вину бояря приговорили тебя бить кнутом».

Федора Обернибесова на посту добренского градоначальника сменяет Василий Афанасьевич Шамшев.

По данным «сметного списка» 1651 года в Добром было поверстано в драгуны 951 человек и в пушкари, затинщики и воротники 23 человека; детей, братьев и племянников, поспевших в службу, было 833 человека.

Обучать добренцев «драгунскому строю» при Шамшеве теперь начинают «немецкие начальные люди», выехавшие из Датской земли в 1650 году — подполковник Иоганн Гундермарк (Гундертмарк) и прапорщик Петр Доман.

РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. №53. Л. 564, 564 Об.

Бывший наставник драгунов Селиверст Филатов пишет на имя государя: «В нынешнем во РНФ (1650/1651) году по твоему государеву указу послан в Доброе Городище полуполковник Яган Гундермарк а с ним капитанов и порутчиков 18 чел. И которые государь добренских драгунов я холоп твой драгунскому строю выучил до иво полуполковника <...> 1000 человек и он полуполковник тех драгунов моего ученья всех роздал тем своим капитаном и порутчиком. А я холоп твой учинился в лишке...».

В августе 1651 года для лучшего ухода за оружием Шамшев выбрал и утвердил из местных драгун «сотников, и пятидесятников, и десятников» «в дозорщики над ружьем», которые обязаны были «достматривать еженеделе чтоб то ружье было чисто и к стрельбе готово».

В 1652 году воеводу Шамшева на посту воеводы сменяет Степан Федосеевич Шишкин. В 1653 году воеводой в Добрый был послан Игнатий Григорьевич Шипилов.

В 1653 году русское правительство приняло решение об объединении новых полков солдатского строя и старых полков дворянской конницы в сводную воинскую группу на юге страны. Центром реализации этого плана был определен Яблонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.